

ПОЛИФОНΙΑ

РАЗМЫШЛЕНИЯ
СЕРЬЕЗНОГО ШУТА

«До 19 лет я был верным ленинцем и считал, что надо срочно создать ВКП(б)», — вспоминает Александр Градский

Александра Алешина

АЛЕКСАНДР БОРИСОВИЧ, вас называют «отцом русского рока». Когда начался русский рок?

— Во-первых, никакой я не отец и даже не дедушка русского рока. Так меня называют только журналисты. Существует мнение, что я первый начал сочинять на русском языке. На самом деле это не так. Были попытки и до меня. Это группа «Сокол» и еще несколько групп. Мне же удалось составить нечто вроде антологии. Когда рок-н-ролл только появился в России, никто не знал, к чему конкретно это направлено двигаться. Не было единой школы. Поэтому моя первая работа «Размышления шута» была сделана с расчетом на то, чтобы исполнители и критики поняли, что на русском языке можно высказываться в самых разных жанрах рок-музыки.

В общем, это был не только целый цикл песен, но и сборник идей. В эстрадном жанре что-то подобное реформаторский создал Тухманов. Он выпустил пластинку «Как прекрасен мир», где мне довелось петь. Но это проект иного направления. Он чисто эстрадный, хотя тоже цикл и в нем есть тоже общие идеи... Различия между нами состояли в том, что я предпочитал работать в чистом роке, вернее в том, что я понимал под рок-н-роллом.

У вас были в то время последователи? — Нет. И меня никогда не поклало чувство некоторого сожаления, что почти все пошли не за мной. Ведь надежда все-таки была. Думаю, я появился в тот период, когда публика была еще не готова воспринимать то, что происходило на рок-н-ролльной сцене. Потребовалась масса усилий для того, чтобы хоть что-то изменить. А когда это произошло, достаточно стало выйти на сцену в грязных кедах, чудовищно петь, бред нести со сцены в виде стихов, не имеющих ничего общего с настоящей поэзией, и неистово долбить в барабан. В этот момент я не пожелал участвовать в действе, которое, в общем-то, означало смерть того, кто я хотел создать. И я избрал, как мне кажется, самый правильный путь. Залез в свою башню из слоновой кости, где по сей день и остаюсь. Это при том, что люди, за которыми пошел, вызвали у меня всегда глубокую симпатию, хотя я не мог отказать себе в удовольствии расхихикать их за то, что мне не нравилось.

А за кем все-таки пошли? — За Макаревичем и за Гребенниковым. Это они так называемые папши современных рок-групп. Но их «потомки» — все «недоделки», все «недо»: «Да, мы умеем петь, не так чтобы очень, но мы поем. Да, мы умеем сочинять стихи, не совсем чтобы стихи, но вот так. Да, мы пишем на гитарах, не то чтобы играем, но пишем. Да, у нас барабанишь неплохо долбить, и т.д.» Все это привело к тому, что мы живем в век непрофессионалов. Вот Макаревич сегодня серьезно вырос, а его последователи находятся на нуле.

Как вы думаете, почему это произошло? — Потому что к созданию собственного лица изначально шли не от музыки и даже не от стихов, а от общения музыканта с аудиторией: вот мы здесь все свои ребята — вы и я.

У меня сложилось все иначе. Я спел несколько эстрадных песен, вышел фильм «Роман о влюбленных», появились еще несколько тихих, спокойных песен, меня похвалили по телевизору... Образовалась своя аудитория. Народ пришел на концерт к спокойному молодому человеку в очках, с тонким взглядом, длинными волосами и хорошим голосом — и услышал жесткую музыку, жесткий рок-н-ролл. И это в середине 70-х! Во дворе спорта! Конечно, для слушателей это был шок. На меня многие злились, не понимая, что «Как молодцы мы были...» не являлось моим истинным лицом, а было лишь одним из моих экспериментов... Но закончилось все неплохо, как видите... Кроме того, что я умел петь, играть и сочинять, меня еще многие знали. Более того, я деньги зарабатывал таким образом.

Судя по вашему юбилейному концерту, вы в последние время мало пишете... — На самом деле, мало... За последние восемь лет я написал три песни. Первая — это «2000 год», она звучала на концерте. Вторая довольно грустная. И еще одна к будущему кинофильму, но непонятно, выйдет ли он с моим участием... Я по-прежнему продолжаю писать музыку — это длится 20 с лишним лет, и довольно трудное дело. Сейчас все движется к тому, что я начну ее записывать. Потом масса других дел...

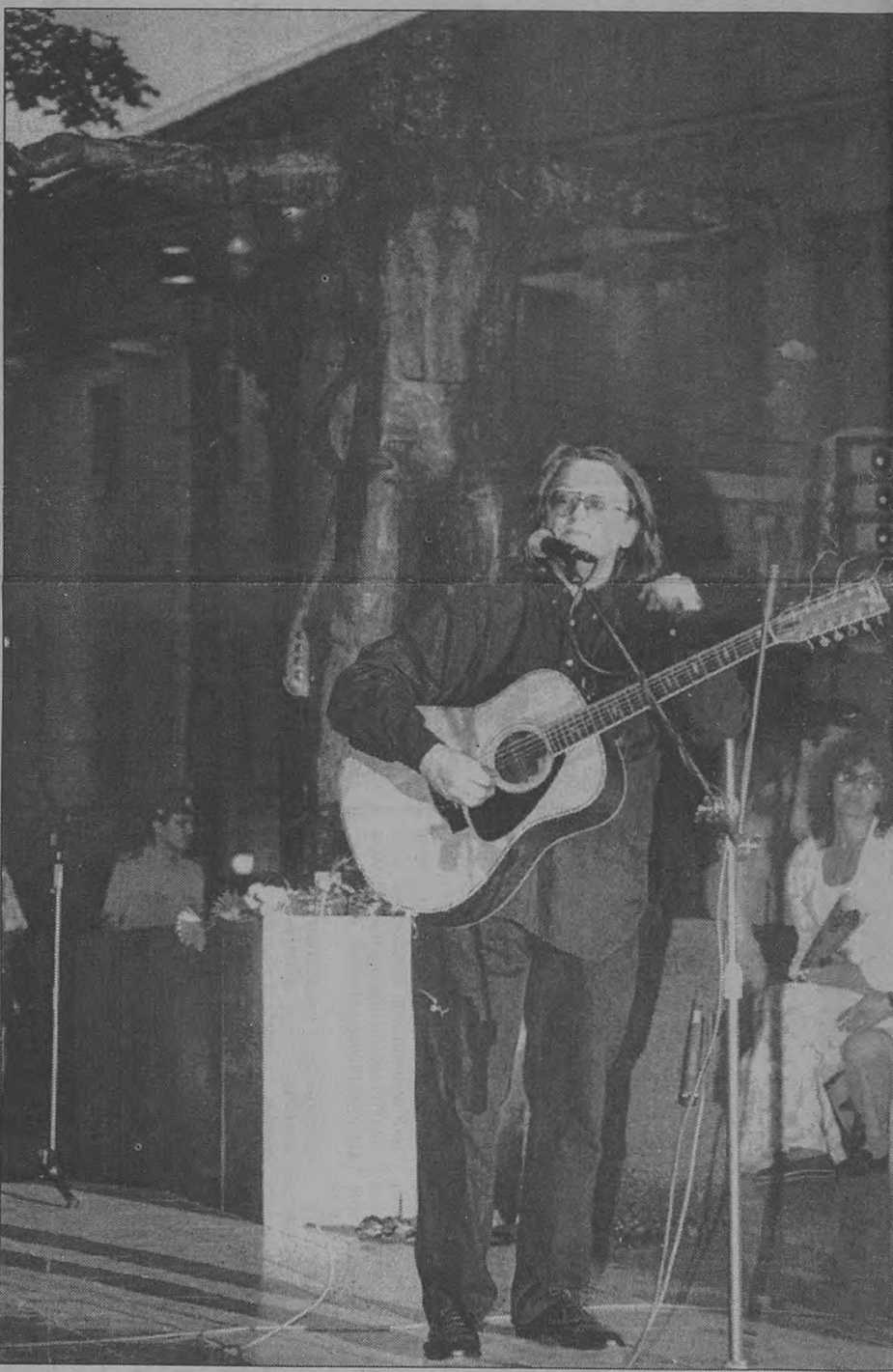
Например, реконструкция здания бывшего кинотеатра, с целью открыть в нем свой театр? — Да, и это тоже. — А когда она будет завершена? — Бог его знает... Это длится уже девять лет. Мою идею поддерживает Юрий Михайлович Лужков. Огромное спасибо ему за помощь. Хотя средств, честно говоря, не хватает. Я же руковожу государственной организацией, поэтому строительство идет на государственные инвестиции. Но, на мой взгляд, такой комплекс нужен. В здании, которое сейчас реконструируется, можно будет и устраивать танцы, и показывать кино, и проводить любые фестивали, и делать съемки концертов, и производить хорошие живые записи.

Дело в том, что между тем, что я считаю качественным и тем, что общепринято, лежит пропасть. Поэтому единственный выход — делать все скрупулезно самому. Лучше ничего не делать, чем делать не до конца. У меня есть масса способов и возможностей себя применить. Я могу быть просто автором, могу просто выпускать пластинки и довольствоваться этим, как многие, всю свою оставшуюся жизнь, могу быть обыкновенным концертным исполнителем, который раз в год собирает свою аудиторию и гастролирует, могу сесть и начать писать философские трактаты. Могу просто ничего

«Я гораздо большее впечатление произвожу, когда не высываюсь!», — говорит Александр Градский. Его кредо: «Сиди тихо и мирно на крыльце собственного дома — и мимо тебя пронесут труп твоего врага».

В 12 лет он впервые узнал, что такое рок-н-ролл. В 13 — услышал запись группы «Битлз» и заболел ею. В 18 — уже сам сочинял. В 70-е годы исполнил песню Александры Пахмутовой и Николая Добронравова «Как молодцы мы были...» и прославился на весь Советский Союз как эстрадный певец. В эти же годы написал музыку к кинофильму «Роман о влюбленных» и стал известным композитором. Впоследствии участвовал в создании 30 кинолент. Не миновала его и слава исполнителя оперных арий, русских народных и неаполитанских песен, романсов и собственных авторских сочинений. С 1987 года руководит Московским театральным-концертным музыкальным объединением. В последние годы занимается собиранием своего «творческого наследия» и строительством театра.

Я встретился с Александром Борисовичем у него дома. По старой доброй традиции беседа прошла на обыкновенной московской кухне под красным абакром, за чашкой кофе. Чем дольше мы разговаривали, тем больше я убеждался в ошибочности распространенного мнения об этом человеке. То Градского сравнивают с удавом Каа из сказки Киплинга, то таинственно исчезает буква «э» из его фамилии, то просто ссылаются на его невыносимый характер. Но расхожие суждения о человеке часто обманывают.

У памятника Владимиру Высоцкому. Фото Александра Шагина (НГ-фото)

не делать и жить за счет того, что уже есть, смотря на розы и поливая фикусы.

В наши дни появляется множество постановок мюзиклов, рок-опер: «Иисус Христос супер-звезда», «Метро...» Совсем недавно прошла премьера спектакля Стаса Намина «Волосы». У вас нет желания порадовать зрителей своей постановкой?

— Собственно, и для этого тоже велется реконструкция. Повторюсь, «качество должно быть качественным». Таковым оно может быть, только если есть исполнители, которые умеют петь. Постановку Намина я не видел и ничего о ней сказать не могу. Но знаю одно — Стас прекрасный организатор и должен этим заниматься.

— Сожалению, сейчас многие считают, что если они продюсируют спектакль, то вправе указывать артисту, где ему стоять и как ему петь. Вся беда в том, что организатор зачастую чувствует себя художником. Причем эта народная черта, присущая русскому человеку.

— Одно время вы преподавали вокал в Гнесинском училище и в институте, заведовали кафедрой вокала в ГИТИСе. Вы не собираетесь продолжить педагогическую деятельность хотя бы в своем театре?

— Я понял, что у меня не получится прийти в другую школу со своим уставом. А при театре обязательно будет что-то вроде студии... Например, мне понадобятся артист для какого-то спектакля, значит его надо будет научить петь и играть. Вот и все. Вель школа-студия МХАТ или Шепкинское с целью вырастить молодых актеров для своего театра. Только потом они стали учебными заведениями, в которых по сей день воспитываются артисты для всех театров страны. То же самое может получиться и здесь. Впрочем, только в том, вырастет ли это в какой-то государственный музыкально-педагогический вуз или нет. Боюсь, что лично у меня на все не хватит жизни. Я уже чувствую, что времени не остается.

— Искусство создается для себя или для аудитории?

французский поэт, даже в русском переводе, интересен национальный дух. Если это Рубцов, то, несомненно, привлекает русская аристократия, несмотря на то, что он был нашим современником. Если же это Саша Черный, то должна быть сатирическая связь с тем, что я вижу сегодня. Так, например, у меня апокалиптический коней в «Сатире». На ксилофонной полке а ла Шостакович, вдруг проходит все те, что оказал влияние на музыку и на стихи начала века. В этом меня прежде всего привлекала связь между 1910-м, 1913-м годом и сегодняшним днем.

Семья — ералаш, знакомые — нытики. Смешной карнавал мелозия. От службы, от друзей, от предой политики —

Безмерно усталости мозги... И это написано в начале века!.. Возмесь ли книжку — муть и мразь, Один кот хоронит. Другой слонит, разводит грязь и сладостранно стонет...

— Когда-то у вас вышла отдельная пластинка со стихами Набокова...

— Написана и записана эта работа была в конце 1983-го, а вышла в продажу году в 1988-м. Вообще у меня была с ней интересная история... Мой приятель, замечательный критик и музыковед Аркадий Петров говорил: «Ну, что ты деньги тратишь на запись. Конечно, хорошая работа, но ее же никогда не издадут. В лучшем случае через 25 лет...» Я сказал, что пусть хотя бы через четверть века, но издастся все-таки, что раньше... И действительно, в 86-м году кое-что из Набокова появилось в шахматном журнале «64», а еще через два с половиной года вышла моя пластинка.

— Почему наш выбор пал именно на Владимира Набокова?

— К Набокову я пришел очень поздно... До 19 лет я был верным ленинцем и считал, что надо срочно создать ВКП(б). Причем так, как это через много лет сделала Нина Андреева. Я, правда, болел этим нелогом. До тех пор, пока мне в руки случайно не попала книга Антонова-Овсеенко «Портрет тирана». Затем я ознакомился с Зиновьевым и с несколькими трудами, скажем так, связанными с критическим антикоммунизмом. Но вскоре я устал от антипропаганды, так же как и от пропаганды. Наверное, я просто понял, что все эти идеи утопии. И тогда я стал обращаться к людям, к писателям, которые, на мой взгляд, были отстранены от этой борьбы. И таким для меня стал Набоков.

Первую его книгу я прочел в возрасте 26 лет, а ровно через пять месяцев я стал единственным в Москве человеком, у которого были 16 книг этого писателя. Но среди них не оказалось сборника стихов. Только спустя некоторое время ко мне попала книга его стихов, правда, в виде распечатки. К тому времени я уже сделал работы на стихи Элюара и Рюбена. Меня поразила шемияшная нота ностальгии по России, ведь такой тоски нигде в прозе у него нет, наоборот, критический анализ... Он с безразличием мог сказать: «А в России кое-как скончался Ленин...» Вот Бунин был ярким антикоммунистом и открыто выражал свою позицию. Но тем не менее его два раза изгнали при советской власти, хотя в эти изгнания «Окаянные дни» не вошли. А Набоков относился к советской власти как к какой-то паутине, пренебрежительно, точнее — никак. Этого я не люблю, это же больше всего корбит. Мне настолько понравилась творческая и человеческая позиция писателя, что я решил сделать пластинку. Кстати, до сих пор я не нашел ни в одном его произведении ничего такого, что не смог бы принять. Кроме того, он удивительно поет и легко ложится на музыку.

— Александр Борисович, остался ли поэт, на стихи которого вы хотели бы написать музыку и до сих пор этого не сделали?

— Очень сложно написать на тексты Александра Пушкина, хотя кажется, что в нем самом звучит музыка. Чтобы это сделать — надо опустить себя Рахманиновым. Я себя пока таким не ощущаю. Пока!.. Кто знает, чем все кончится... Заметьте, любые произведения, созданные на сюжеты Александра Сергеевича, абсолютно гениальны. Две оперы Чайковского, работы Мусоргского, Римского-Корсакова, Глинки...

— Кстати, сравнительно недавно вы исполнили партию Звездочета в спектакле Большого театра «Золотой петух». Из восьми спектаклей — сели в лужу.

— Понимаете, Большой театр для меня в какой-то мере — просто. Просто я воярем почувствовал, что все записанное от меня уже сделано. Опера существует только в идеальных формах. Только тогда, когда на сцене такие мастера, как Монтерсерт Кабалье или Луччиано Паваротти, а дирижирует Евгений Светланов или Рикардо Мутти... Это классика — и на сцене должны быть мастера высокого уровня. А не среднеамериканские люди, при плохом свете и дешевых декорациях. Особенно, если на спектакль пришли дети. Для того, чтобы они слушали, понимали и участвовали в действе, их надо заставить... А чем?

— Мастерство... — Выдающимся мастерством! Не может существовать в России опера, в которой музыканты — не профессионалы. Соответственно должен быть антажемент. В московских оперных постановках должен быть, как в былые времена, Карерос. Сейчас в Москву приезжает певец, а события нет. Неловко в Красной площади без концерт Паваротти, получился чисто коммерческий акт, а не творческий. Я помню, как пели «Кармен» в 60-х годах Архипова и Дель Мо-нако. Вот это было искусство, которому 200 с лишним лет...

— Почему вы редко даете свои концерты? — Выступление требует большой самоотдачи. Ведь это не живопишь, где написал картину — и на века. В опере картину каждый раз создаешь заново, чтобы она была такой, как «Сикстинская мадонна». Причем ее надо воспроизвести в определенный момент, в данной ситуации, с участием конкретных людей, в этом театре. Более того, в зале должна быть публика, которая понимает, что происходит.

Александр Градский и Олег Табаков. Фото Дениса Тамаровского (НГ-фото)

Потому что полтора года я дал немного концертов. У меня было этапное, значительное выступление в Карнеги-Холл, как итог — в Москве прошел в конце прошлого года юбилейный вечер, затем сольный концерт в Питере и выезд в Минск, Нижний Новгород и в Екатеринбург. Следующее выступление запланировано на 55-летие. Мне теперь неинтересно отбрасывать обыкновенные концерты. Хотя я по-прежнему могу гастролировать, каждый раз собирая аудиторию и петь исключительно в трехотанном диапазоне.

— Как вы думаете, какая у вас аудитория, кто вас слушает?

— Непонятно, непонятно... Я всегда прошу операторов снимать зал. Поэтому сам вижу, что это абсолютно разные люди. В любом случае те, кто знает и понимает настоящее искусство. Более того, я думаю, что какой-то процент моей публики любит меня не только за мой голос, но и за определенную гражданскую позицию. Хотя, конечно, я никакой не политик.

— Но какие-то политические симпатии, у вас, наверное, есть?

— Ну, конечно. Во всяком случае мне лестно слышать в наши дни от «высокого начальства», то, что я говорил 10–15 лет назад. Мне приятно, что сегодня президент Российской Федерации идет в том направлении, которое я предполагал для нашей страны 12–13 лет назад. Единственное, я бы очень хотел, чтобы это не оказалось очередной кампанией, министерской игрой. И защита национальных интересов моей страны не превратилась бы во временное явление, а стала бы естественной политикой, как во всех больших странах. Вот, Владимир Вольфович Жириновский. Если отбросить его эпатаж и экзальтированность, то получится, что он на 95% говорит правильные вещи. Так зачем эпатаж? Чтобы дискредитировать идею?.. Не понимаю.

— Вы видите какую-то определенную модель государства?

— Есть замечательные строки у Макиавелли: «Существует два способа воздействия. Это угроза применения силы и ее применение...» Так вот первое более действенно, чем неумелое и неадекватное использование самой силы. Когда начал применять, а справиться не можешь. Наш народ должен понимать, что государство это то, что он создал для себя. А люди, которые находятся во главе страны, не должны забывать, что они не сами по себе, а оплачиваемы и находятся на службе у народа. При всем этом надо помнить, что пока еще у нас есть внешние конкуренты, как и у любой великой державы. А мы — хотя нас длительное время убеждали в обратном — являемся таковой. Люди, которых я вижу здесь, я не встречал ни в одной стране мира. Их там просто нет, они там не развиваются. Это не значит, что они плохие. Просто мы другие, у нас другие интересы. Но мы не должны презирать общие экономические законы и создавать какую-то свою иллюзорную модель.

— Как вы хотели бы, чтобы принималось участие в преобразованиях страны?

— Так или иначе к этому причастен, даже сила в своей башне. Я же существую, значит я участвую в том, что происходит. Меня слушают, мной интересуются, со мной встречаются... Но вмешиваться в политические дела я не буду, потому что гораздо большее впечатление произвожу, когда не высываюсь. Это эффективнее, чем выходить и что-то кричать с трибуны пол возлагающихся окружающих: «И это тоже — народный депутат!»

— Был период, когда многие уезжали за рубеж. У вас была такая возможность, почему вы этого не сделали?

— Это было очень давно. Карьера моя к тому времени уже сложилась. Речь шла о том, чтобы я остался там навсегда, а это для меня было невозможно. Как-то в одном из телеинтервью я сказал: «Тогда ведь никто не знал, что можно будет возвращаться, да еще с героическим выражением лица. И тебя будут принимать, с тобой будут злороваться и давать орден. А ты будешь отказываться...» Поэтому я пахал здесь.

— Восемь лет назад вы участвовали в программе Киры Прохутиной «Пресс-клуб». На передаче присутствовали демократически настроенные журналисты и лидеры ГКЧП. Вы длительное время наблюдали за развязывающейся батальной между ними...

— Да, действительно была такая история. Дело в том, что я знал предосторожно этой сьемки. Телевизионная группа договорилась с Валентином Павловым и его коллегами по ГКЧП, что они придут на разговор, на обыкновенную беседу. Но вместо этого было открытое хамство. Меня поразило отношение прессы к людям. Подчеркну — к обыкновенным людям, какие бы взгляды они ни выражали и как бы к ним не относились.

— Еще я заметил, что меня постоянно снимают камера, хотя я сидел в самом конце зала и не собирался ничего говорить. Передача должна была идти в эфире, не в прямом эфире. И я понял, что происходит все это безобразие без моего участия, а в итоге получается, что я злобно «журналистами», которые ни за что нападают на людей. Поэтому я встал и открыто высказал все, что я об этом думаю.

— Какая была реакция окружающих? — В зале было несколько людей, которые думали так же, как я. В «Московском комсомоле» же написали: «Авторитет так трудно завоевывается, а теряться за пять минут...» Но это они так думают. На самом деле среди людей, которые понимают, что такое нормальные человеческие отноше-

ния, я только укрепился как человек с авторитетом. Со стороны Киры был прекрасный журналистский хол. Она оставила все как есть, сохранив остроту конфликта и резкий тон. Прошло уже столько лет, а об этом все вспоминают.

— У вас непростые взаимоотношения с прессой?

— Псевдодемократически настроенная пресса, которой сейчас полно, меня раздражает. Но я стараюсь ее не замечать. Потому что, если я начну реагировать на людей, которые ей служат, так им только этого и надо. Зато многие современные журналисты, которые забыли о своем профессиональном долге, знают, что мне на язык лучше не полагаться. Однако ко мне можно прийти тихо, спокойно побеседовать. Но, к сожалению, многие журналисты сейчас видят своей задачей не столько информирование людей о том, что происходит в мире или что думает тот или иной человек, а информационное давление, идеологию, воспитание.

— Судьба сложилась у вас со многими талантливыми людьми, как у вас складывались с ними отношения?

— В основном дружеские. Правда, не было долгих контактов. Если и работал с кем-то, то урывками. Сделали, что хотели, и разошлись. Так у меня было с Александром Пахмутовой, с Евгением Светлановым (с ним у меня есть новые проекты), с Андреем Кончаловским... Последнее я благодарен за то, что именно он привел меня в светскую жизнь. До работы в киноленте «Роман о влюбленных» я жил в своем рок-н-ролльном мире и ничего не знал о параллельном мире, где были художественные фильмы, государственные премии, театральные постановки, толстые журналы, лейбсы, шпаты. Но в этом новом мире я все равно остался самим собой, в башне из слоновой кости «белой» вставаться. Все-таки права восторжествовала: сиди тихо и мирно на крыльце собственного дома — и мимо тебя пронесут труп твоего врага.

— Был бы вы недовольны, что вы тяжело сходится с людьми, это так?

— Да. Но если действительно завязываются дружеские отношения, то на долгие годы. Есть люди, с которыми я работаю по 10, по 15 лет. Есть те, с кем я уже давно не сотрудничаю, но они по первому моему звонку придут мне помочь. Так же, как и я. Правда, таких немного. А зачем нужно большое количество знакомых? Человек настолько глубок и интересен, что-то в нем можно отыскать, кладезь всего чего угодно. У меня есть приятели, с которыми я никогда не устаю разговаривать, о чем бы мы не говорили. Мне этого достаточно.

— Почему вы отказались заложить звезду со своим именем на Площади звезд?

— Там есть многие имена, которые для меня незнакомы. Если организаторы акции девальвируют само понятие, то не хочется в ней участвовать. На площади нет не только моих звезд, но и многих других известных людей. Например, Алла Пугачева. Я думаю, по тем же соображениям.

— Кто из эстрадных исполнителей вам ближе?

— Я, может быть, назову странное для многих сочетание имен, но это: Клавдия Шульженко, Александр Вертинский, Александр Галич, Булат Окуджава, Федор Иванович Шляпин. И Высоцкий, конечно. Из современных же исполнителей трудно кого-либо назвать. Лучшие промолчат. Сейчас мне в основном нравятся в них лишь «краска», какой-то «мазок». Что-то есть, этого недостаточно, что-то есть. Есть только смелость выходить на сцену и открывать рот под фонограмму. Вся беда в том, что этого «мазка» бывает достаточно для самих исполнителей и для публики, которая их слушает и бежит к ним на концерты.

— Есть ли что-то, о чем вы жалеете?

— Трудно сказать... Наверное, нет. Потому что у человека из какого-то этапа жизни возникает дилемма. Примерно такая, как в анекдоте про народного героя Илью Муромца перед камнем. Налезло полейше — смерть найлеше, направо полейше — коня потремеше, прямо полейше — голову об котенеше, расшибеше. Очень важно этот выбор сделать верно с первого раза, чтобы больше к этому камню не возвращаться. Но жизнь устроена так, что за той чертой множество других дорожек. Все они тесно переплетены. Но в итоге все равно сливаются в одну. В ту, которая предназначена для человека. Воланд говорил, что «кирпичи ни с того ни с сего никому и никогда на голову не сваливаются».

— Ваша песня «2000 год» звучит апокалиптически. Каким вы видите третье тысячелетие?

— Говорят, что мы входим в эпоху Водолея. И Россия должна развиваться. Я надеюсь, что это произойдет. Давно пора. Русские уже последние из белых наций, которые отстают от всех цивилизованных стран. Сейчас появилось огромное информационное поле. Есть масса возможностей влиять на мир. И у нас в том числе. Тем более в ближайшее время вряд ли произойдет, что-то такое, что отбросит нас назад. Так что в надвигающемся столетии главное для России — вернуть себе былое величие.

P.S. В конце нашей беседы я посмотрела с Александром Борисовичем фрагмент его юбилейного концерта и услышала «Боже, нас всех храни» с хором и оркестром: — Это гимн? — спросила я. — Для меня гимн! — ответил Александр Градский.